

Да нет же! Он хотел взглянуть на поясницу Гу Цзицина вовсе не в *том* смысле! С какого перепугу он вдруг решил, будто Чжоу Цыбай замышляет неладное, словно какой-то отъявленный гей?

Когда до него наконец дошло, Чжоу Цыбай стремительно отвёл взгляд. Кончики его ушей вспыхнули пунцовым, а сам он выпалил сбивчиво и без особой уверенности:

— Да нет... Я просто беспокоился из-за твоей ушибленной поясницы...

— Угу, я понял, — не дав ему договорить, Гу Цзицин слегка кивнул с таким видом, будто иного ответа и быть не могло.

Осознавший, что снова накрутил лишнего, Чжоу Цыбай: «...»

Чёрт.

Это точно Лу Пин его своей дуростью заразил.

Иначе откуда в голове целыми днями крутится всякая дрянь?

Гу Цзицин же, заметив, как шея Чжоу Цыбая вновь стремительно наливается краской, решил, что тот просто стесняется напрямую выказать заботу.

— Не волнуйся, я уже смазал ушиб лекарством, — мягко проговорил он. — Ничего страшного.

— А? Ох... Ну, раз ничего, то и отлично, — глухо буркнул Чжоу Цыбай, окончательно потеряв нить разговора.

Ощущая неловкость каждой клеточкой тела, он заерзал на месте. Чтобы хоть как-то отвлечься и разрядить обстановку, парень наугад цапнул со стола эластичный бинт, намереваясь перевязать ногу заново.

Вот только плотная ткань почему-то упорно отказывалась лечь ровно. Сколько бы он ни старался, повторяя движения спортивного врача, края бинта непременно собирали и топорщились.

Спустя десять минут безуспешных попыток Чжоу Цыбай не выдержал и с досадой сорвал повязку.

Услышав шум, Гу Цзицин опять поднял взгляд и застал момент, когда Чжоу Цыбай по-детски вспыл и отбросил бинт в сторону.

— Помочь? — невзначай поинтересовался он.

Чжоу Цыбай уже открыл рот, чтобы отрезать «Не надо», но Гу Цзицин ровным голосом добавил:

— Если плотно не зафиксировать сустав, отек на лодыжке только усилится.

«...»

В итоге Чжоу Цыбай, ещё полчаса назад поклявшийся себе, что скорее останется хромым, чем обратится за помощью к Гу Цзицину, послушно согнул ногу в колене.

Он подтянул штанину, обнажая голень — рельефную, с подтянутыми мышцами, длинным крепким сухожилием и здоровым золотисто-смуглым оттенком кожи.

Гу Цзицин когда-то учился живописи и всегда питал слабость к изящным линиям. Оценивая увиденное с чисто эстетической точки зрения, он не удержался от привычной похвалы:

— У тебя очень красивые ноги.

Для него это было обычным проявлением вежливости.

Однако Чжоу Цыбай тут же мгновенно напряг всю мускулатуру.

Гу Цзицин не заметил этой перемены. Поддев пальцами край ленты, он аккуратно, виток за витком, принялся бинтовать его лодыжку.

Неподдатливый бинт в руках Гу Цзицина мгновенно лёг идеально ровно. Едва ощутимые прикосновения его прохладных, нежных пальцев отзывались на коже легким, щекочущим трепетом.

Это было куда приятнее и бережнее, чем манипуляции командного врача.

Гу Цзицин сидел, склонив голову; длинные ресницы опустились, бросая тень на аленькую родинку у глаза. Весь его облик в этот миг дышал таким нездешним, щемящим теплом, что у Чжоу Цыбая на секунду перехватило дыхание, а сердце отчаянно заколотилось о рёбра.

Опомнившись, парень тут же резко отвёл взгляд.

С какой стати его сердце должно биться чаще из-за парня?!

Это всё наверняка потому, что Гу Цзицин слишком похож на его богиню!

В ту далёкую зиму, когда он учился живописи в Наньу, после каждой драки та девушка точно так же перевязывала ему сбитые ссадины.

Тогда он был всего лишь новеньким учеником, только что переведённым из столицы. Ещё не вытянулся в росте, не избавился от детской пухлости — обычный круглолицый крепыш. Чужак, приехавший издалека, он постоянно терпел насмешки, издевательства и одиночество. Никаким статусом признанного школьного красавца тогда и не пахло.

Лишь та нежная и прекрасная незнакомка с удивительной *seriousness* говорила ему:

«У тебя очень красивые глаза. Ты обязательно вырастешь замечательным, статным юношей. Так что не грусти, взрослей и становись сильнее — тогда тебя больше никто не посмеет обидеть».

И пусть вскоре он вернулся в Пекин, так и не узнав ни имени той девушки, ни способа с ней связаться, то трепетное чувство первой влюбленности навсегда вьелось в память. С тех пор ему не нравилась больше ни одна девчонка.

Вот почему при первой встрече с Гу Цзицином он так вопиюще потерял контроль над собой.

Текущий всплеск пульса — не более чем банальный перенос эмоций.

Чжоу Цыбай был абсолютно в этом уверен.

И всё же забота Гу Цзицина была настоящей, осязаемой.

К тому же Гу Цзицин не совершил ничего непозволительного. Все бурное негодование Чжоу Цыбая произрастало лишь из предубеждения, вспыхнувшего после слов о намерении «согнуть» его.

Но ведь Гу Цзицин ясно дал понять, что произошло недоразумение!

Да и всем последующим его поступкам имелось логичное объяснение. Стоило им договориться о дистанции, как Гу Цзицин стал подчеркнуто избегать лишних контактов, а после и вовсе пострадал из-за него.

При этой мысли Чжоу Цыбая обожгла запоздалая вина.

Собственные прежние действия, пропитанные предвзятостью, показались ему совершенно

неджентльменскими.

Взглянув на аккуратно и умело забинтованную лодыжку, он сжал губы и тихо выдавил:

— Извини.

Разговор принял неожиданный оборот.

Гу Цзицин недоумённо вскинул на него взгляд.

Чжоу Цыбай, явно чувствуя себя не в своей тарелке, отвернулся и быстро заговорил, избегая зрительного контакта:

— Раньше... я повел себя чересчур резко и невоспитанно. Из-за собственных тараканов. Ты тут ни при чём, так что не бери в голову.

Закончив, он плотно сжал губы и уставился в голый участок стены, всем своим видом выражая отчаянное: «Только не отвечай мне ничего, давай просто проедем эту тему».

Гу Цзицин молча наблюдал за ним три секунды, после чего низко, тишине вопреки, усмехнулся:

— Чжоу Цыбай, тебе кто-нибудь говорил, что ты ужасно милый?

Разумеется, нет!

Кто в здравом уме назовёт милым мужика ростом под метр девяносто?!

Едва успокоившийся Чжоу Цыбай мгновенно вспыхнул от праведного гнева, решив, что над ним снова насмеются.

Однако, повернувшись, он увидел, как Гу Цзицин с едва заметной улыбкой завязывает изящный узел на конце бинта, — и вся его вспышка досады застряла комом в горле.

— Попробуй, нигде не давит? — Гу Цзицин поднял глаза.

—... Нет, — скомкано отозвался Чжоу Цыбай.

— Тогда я вернусь к дипломной.

Гу Цзицин отвернулся, не задержав на нём взгляд ни на мгновение дольше необходимого.

Чжоу Цыбай замешкался. С абсолютно непроницаемым лицом он убрал печенье в ящик стола, запер его на ключ и, взяв наугад какую-то книгу, погрузился в чтение.

Зимний выходной в университетском городке Цинда выдался морозным и оживленным, но внутри комнаты царствовали уют и тишина.

Ни привычного гвалта Лу Пина, просиживающего часы за онлайн-играми, ни сладкого воркования Чэнь Цзи с его девушкой по телефону.

Удивительно редкая, благодатная тишина.

Чжоу Цыбай сам не заметил, как проглотил целый роман. Лишь закрыв последнюю страницу, он ощутил сухое першение в горле и пару раз глухо кашлянул.

Впрочем, за весь день он покашливал далеко не единожды.

Гу Цзицин захлопнул крышку ноутбука и глянул в окно: стемнело окончательно, тучи нависли совсем низко — похоже, собирался снег.

Экран телефона показал восемь вечера.

На два с лишним десятка пропущенных вызовов он даже не взглянул — просто очистил журнал звонков.

Затем, неспешно натягивая куртку, спросил:

— Как ты смотришь на то, чтобы поужинать кисло-сладкими свинными ребрышками? Я люблю кисло-сладкое.

«Кисло-сладкие ребрышки так кисло-сладкие ребрышки, почему вдруг кисло-сладкие свинные ребрышки.»

Чжоу Цыбай всё ещё помнил выпад про «милого», а потому сделал максимально суровое лицо и протянул свою студенческую карту:

— Спишешь с моей.

С его резкими, словно срубленными чертами лица и взглядом хозяина жизни, эта фраза звучала вполне в духе властных боссов из бульварных романов.

Вот только даже простая просьба принести еды заставляла его стеснительно ежиться.

Гу Цзицин едва уловимо улыбнулся, забрал карту, прихватил термос и вышел за дверь.

Первые зимние ночи в Пекине, особенно накануне снегопада, обжигали холодом куда суровее, чем самые лютые морозы в Наньу.

Возвращаясь с ужином, Гу Цзицин сделал небольшой крюк, чтобы заскочить в одно место, как вдруг телефон вновь ожил — звонили с незнакомого номера.

Гу Цзицин, прекрасно понимая, кто это, уже занёс палец над экраном, чтобы сбросить вызов, но собеседник отключился сам.

А в следующий миг из темноты донесся тихий, надрывный оклик:

— А-Цзи.

Гу Цзицин поднял голову.

В самом конце аллеи, прямо перед первым корпусом общежития, стоял Хэ Чанчжи. Он смотрел на него, и уголки его глаз покраснели — то ли от мороза, то ли от подступавших слёз.

Гу Цзицин спрятал телефон в карман и неторопливо шагнул навстречу.

В глазах Хэ Чанчжи мгновенно вспыхнула надежда, он порывисто подался вперёд, пытаясь схватить его за руку.

Однако Гу Цзицин остановился ровно на расстоянии вытянутой руки:

— Если есть дело — говори прямо здесь. Мне нужно занести ужин соседу, остынет.

Застывшая в воздухе рука Хэ Чанчжи дрогнула.

Заметив его замешательство, Гу Цзицин не стал ждать и сделал шаг в сторону, намереваясь пройти мимо.

Но Хэ Чанчжи с силой цапнул его за запястье и рванул на себя, притягивая вплотную:

— А-Цзи! Я ради тебя бросил девушку, открылся родителям, ночью мчался из дома без оглядки... а ты даже смотреть на меня не хочешь?!

В его вопросе звенело такое отчаянное унижение, будто Гу Цзицин и впрямь совершил нечто чудовищное.

Гу Цзицин ощутил лишь острую боль в зажатом запястье. Вырваться не удавалось, поэтому он просто поднял глаза на собеседника:

— Хэ Чанчжи, я посоветовал тебе расстаться с Цзянь Лин только потому, что ты гей и не должен портить жизнь ни в чём не повинной девушке. Но это вовсе не означает, что я обязан брать за тебя ответственность.

— Но до твоего появления никто не знал, что я гей! — окончательно потерял контроль Хэ Чанчжи. — Мои друзья, мои родители, Цзянь Лин — все считали меня нормальным! Если бы не ты, я мог бы притворяться всю оставшуюся жизнь!

Гу Цзицин смотрел на его истерику с таким спокойствием, будто перед ним разыгрывалась несмешная, устаревшая драма.

Хэ Чанчжи не выдержал этого ледяного равнодушия, его голос сорвался на хриплый шёпот:

— А-Цзи... ты правда никогда ничего ко мне не чувствовал? Неужели всё то добро, что ты для меня делал — сплошная фальшь?!

«Фальшь» — пожалуй, слишком громкое слово, но и большего за этим не стояло.

— Я относился к тебе хорошо только потому, что ты был отличным соседом. А я не люблю оставаться в долгу, — ответил Гу Цзицин ровно и серьёзно, без тени издевки или лукавства.

Однако от этой рассудительности Хэ Чанчжи почувствовал себя ещё более жалким:

— То есть окажись на моём месте любой другой — и ты обращался бы с ним точно так же?!

В его взгляде читалось отчаянное нежелание верить.

Будто эта забота была чем-то невероятным, уникальным.

Гу Цзицин искренне не понимал его реакции.

Подумав мгновение, он произнёс совершенно искренне:

— Если быть точным, даже если бы кто-то относился ко мне плохо, я всё равно относился бы к нему хорошо.

С пяти лет, когда красавица-мать привела его в дом семьи Гу и строжайше наказала стать послушным, удобным ребёнком, которого все полюбят, подобное поведение въелось в подкорку. Оно стало инстинктом, не требующим раздумий.

Это ведь так просто — делать людям добро, не вкладывая в процесс ни капли настоящих чувств.

Насколько же легко заставить окружающих принять и полюбить тебя.

Гу Цзицин правда не понимал, как кто-то мог принять эту механическую вежливость за чистую монету.

Решив, что объяснил всё более чем доходчиво, а ночной мороз становился всё более кусачим, он не захотел задерживаться ни секундой дольше. Его голос снова обрел привычную мягкую, ленивую вальяжность:

— Поэтому давай сохраним хотя бы остатки взрослого приличия. Мне нужно отнести ужин соседу, холодным он будет невкусен.

Он высказался предельно сдержанно и вежливо.

А затем повернулся, чтобы уйти.

Но Хэ Чанчжи чувствовал, как земля уходит у него из-под ног.

С какой стати?! Почему Гу Цзицин сначала приручает, а потом легко уходит, оставляя его ни с чем? Почему ему вообще на всё плевать?!

Внезапный приступ ярости перечеркнул разум. Он с силой цапнул Гу Цзицина за плечо и впечатал его спиной в кирпичную стену:

— Гу Цзицин! Я тоже был твоим соседом! Ты и мне носил еду! Чем я был хуже?! Почему ты вычеркнул меня, стоит только щелкнуть пальцами?!

Как-никак он состоял в сборной факультета по баскетболу — парнем он был крепким и высоким. Навалившись всем весом, он прижал Гу Цзицина так, что даже сквозь пуховик прошел глухой, болезненный звук удара костей о каменную кладку.

Гу Цзицин болезненно нахмурился.

Сердце Хэ Чанчжи сжалось от жалости, он уже занес руку, чтобы извиниться...

В следующую секунду кто-то железной хваткой вцепился в его правое плечо и с силой рванул назад.

Здоровяк не удержал равновесия и отлетел в сторону, едва устояв на ногах.

Меж ним и Гу Цзицином мгновенно выросла высокая фигура.

— Есть разговор — говори языком. Руки не распускай, — раздался низкий, бархатный голос, пропитанный глухим раздражением.

Хэ Чанчжи, и без того кипевший от гнева, уже собрался кинуться в драку, но, разглядев Чжоу Цыбая, осекся. Подавив вспышку, он вынужденно сбавил тон:

— Чжоу Цыбай, это наши с Гу Цзицином разборки. Тебя они не касаются.

Чжоу Цыбай полностью закрыл собой Гу Цзицина, в его интонациях зазвенела холодная, непреклонная сталь:

— Он мой сосед. Значит, касаются.

— Ты же гомофоб! — Хэ Чанчжи попытался ударить по самому больному. — Какого чёрта ты лезешь в чужие дела?

Чжоу Цыбай ответил с ледяным равнодушием:

— Я не имею ничего против чужой ориентации. Я просто терпеть не могу паршивых геев, которые не умеют держать себя в руках и навязчиво донимают других.

«Паршивых геев, которые не умеют держать себя в руках».

Хэ Чанчжи сжал кулаки так, что затрещали костяшки.

Будь на месте Чжоу Цыбая кто-то другой, он бы уже ввязался в драку.

Но он играл с Чжоу Цыбаем на одной площадке и отлично знал: под этой оболочкой скрывается неконтролируемый, дикий зверь. Если довести его до предела — он пойдёт до

конца. К тому же у Чжоу Цыбая был гипертрофированный бзик на защите тех, кого он считал слабее, — в открытом столкновении с ним шансов не было никаких.

Напряжённые кулаки пришлось разжать.

Подавив эмоции, Хэ Чанчжи снова посмотрел на Гу Цзицина, и в его голосе вновь зазвучала фальшивая нежность:

— А-Цзи, прости... Прости, я больно тебя ударил? Я сам не свой от переживаний. Но ты же сам понимаешь, Чжоу Цыбай — не тот человек, с кем тебе стоит жить. Возвращайся лучше ко мне. Я знаю все твои привычки, смогу позаботиться о тебе. И обещаю держаться в рамках, честно!

В каждом его слове сквозили наигранная осведомленность и демонстративная близость.

Словно он пытался метить территорию перед Чжоу Цыбаем.

Гу Цзицин же отозвался абсолютно сухо:

— Не стоит. Меня полностью устраивает моё новое жильё. И кстати, твои извинения нужны не мне, а Цзянь Лин. Ты мне ничего не должен, а вот перед ней — в глубоком долгу.

Договорив, он вновь развернулся.

На этот раз за ним никто не бросился.

Чжоу Цыбай преградил путь решившему было ринуться вдогонку Хэ Чанчжи.

Упёршись ладонью ему в плечо, Чжоу Цыбай с силой толкнул его назад и, чуть вскинув подбородок, мотнул головой в сторону:

— Если хочешь устроить шоу на публике — мне без разницы.

Хэ Чанчжи проследил за его взглядом и упёрся взором в несколько темных глазков камер видеонаблюдения. Лицо его тут же перекосило.

После короткой, мучительной борьбы с собственным эго он развернулся и быстро удалился.

Ну разумеется. Подобные эгоисты никогда не станут жертвовать личной выгодой или репутацией ради кого-то другого.

Чжоу Цыбай даже не удостоил его прощальным взглядом. Нахмурившись, он пошёл вслед за Гу Цзицином.

Спортсмен заметно прихрамывал, поэтому Гу Цзицин приостановился у самого поворота, дожидаясь его. Когда Чжоу Цыбай медленно подошёл ближе, Гу Цзицин тихо спросил:

— Нога не болит?

Да как она могла не болеть?!

Увидев Хэ Чанчжи с балкона, он сразу почувствовал неладное. Не раздумывая, парень в одних сланцах сбежал по лестнице, опираясь на перила.

А чтобы не терять солидности перед чужаком, он еще и умудрился опереться на больную ногу.

И лишь теперь его накрыла настоящая, адская боль.

Разумеется, признаться в этом Гу Цзицину было выше его сил. Сохраняя суровое выражение лица, он буркнул:

— Нормально всё. Просто спустился за посылкой.

Чжоу Цыбай совершенно не умел врать.

Стоило ему соврать, как он невольно поджимал губы.

Гу Цзицин не стал его разоблачать, лишь слегка изогнул губы в улыбке:

— А, так мы просто шли в одну сторону. И всё же... спасибо за помощь.

— Я сделал это не ради тебя, — стоит Гу Цзицину улыбнуться, как лицо Чжоу Цыбая становилось ещё более угрюмым. — Я просто не перевариваю предателей и не терплю, когда кто-то пользуется физическим превосходством, чтобы обижать других.

Из уст любого другого это прозвучало бы как дешёвый пафос.

Но в исполнении Чжоу Цыбая всё выглядело удивительно органично.

Неудивительно, что он с таким отторжением относился к нему вначале — наслушался сплетен и решил, будто Гу Цзицин играет чужими чувствами.

И даже несмотря на это, увидав, как его «обижают», он, пересиливая боль, примчался на выручку — просто потому, что не мог пройти мимо «слабого».

И откуда только взялся этот правильный до тошноты мальчик?

Перед глазами Гу Цзицина невольно возник образ маленького Чжоу Цыбая: с приколотым к груди красным цветком, с невероятно серьезной рожицей стоящего на линейке перед всем классом. В глубине его глаз затеплились мягкие искры.

От этого взгляда и без того мрачный Чжоу Цыбай окончательно пал духом.

Этот парень ещё и смеётся?!

У него под окнами устраивают разборки бывшие любовники, а ему хоть бы хны?!

Поняв, что нормального разговора не выйдет, Чжоу Цыбай круто развернулся, намереваясь уйти, но сделав всего шаг, замялся. Помявшись, он обернулся и выхватил из рук Гу Цзицина увесистый розовый термос.

— Руки в карманы спрячь. Не хватало еще отморозить пальцы, чтобы Шэнь Чжао потом с меня спросил.

Закончив, он попытался сохранить гордый вид и быстро удалиться.

Интонация и выражение лица были на высоте — абсолютный холод и непреклонность.

Вот только на втором шаге лодыжку пронзила острая боль, парень оступился, качнулся... и весь величественный образ разлетелся в прах.

Гу Цзицин больше не смог сдерживаться и тихо, искренне рассмеялся.

Терпение Чжоу Цыбая лопнуло. Сгорая от стыда и досады, он резко обернулся:

— Гу Цзицин, ты можешь хоть раз...

«Не вести себя так легкомысленно!»

Фраза застряла в горле.

Он так и замер на месте.

Гу Цзицин сам не заметил, как протянул ему небольшой прозрачный пакетик:

— Я вовсе не насмехаюсь над тобой. Просто ты правда ужасно милый. И вот... это тебе.

Внутри лежали упаковка таблеток от кашля и пачка разноцветных газированных конфет.

А сам даритель стоял прямо под светящимся фонарем. Кончик его носа и уголки глаз покраснели от морозного воздуха, при каждом слове изо рта вырывались облачка белого пара, а в чистых, прозрачных глазах, отражавших два маленьких силуэта Чжоу Цыбая, не было ни капли лукавства или фальши.

Ничего общего с теми дешевыми кокетливыми ужимками, которых Чжоу Цыбай так опасался.

И вся та брань, что готова была сорваться с губ, растаяла без следа. Приняв пакетик, Чжоу Цыбай лишь покраснел до самых кончиков ушей и смущенно пробормотал:

— Ты... можешь перестать твердить, что я милый?

<http://bllate.org/book/20143/1992103>